

Климатическая неопределенность и подсветка для темной экологии

Даниил Аронсон

Научный сотрудник, сектор истории западной философии,
Институт философии РАН (ИФАН). Адрес: 109240, Москва,
ул. Гончарная, 12, стр. 1. E-mail: aronson.d.o@gmail.com.

Ключевые слова: темная экология; гиперобъекты;
климатическая наука; неопределенность; отрицание
глобального потепления; распря; публичная сфера;
Тимоти Мортон; Жан-Франсуа Лиотар.

Одна из самых обсуждаемых проблем климатической науки связана с тем, что ее знание характеризуется неопределенностью. Темная экология Тимоти Мортон рассматривает неопределенность как неотъемлемую черту не только всякого знания, но и всякого отношения вообще. Такой подход позволяет увидеть, что неприятие неопределенности стоит не только за отрицанием глобального потепления, но зачастую движет и теми, кто это отрицание разоблачает, поскольку они стремятся представить результаты климатической науки как несомненные факты. Вместо того чтобы видеть в неопределенности проблему, темная экология ставит задачу научиться с ней сосуществовать. Для этого она не только предлагает настроиться на странную, «темную» сторону вещей, но и подспудно начинает рассматривать эту сторону как единственно реальную. В результате она систематически пренебрегает теми сферами человеческого существования, которые ориентированы на прозрачность,

в частности публичной и политической жизнью.

Однако, как будет показано в статье, процессы, протекающие в этих сферах, сыграли свою роль в том, что странная реальность, описываемая темной экологией, сделалась видимой. Так, многие свойства глобального потепления, подчеркиваемые темной экологией, — невозможность дистанцироваться от него, а также дать ему четкое определение и взять под контроль — становятся по-настоящему ощутимы только тогда, когда возникает широкая общественная полемика о реальности потепления и когда оказывается, что эту полемику нельзя уладить ссылками на якобы достоверно известные факты. Опыт, который приобретают участники такой полемики, заключается в невозможности конвертировать имеющееся у них знание в консенсус. В статье предлагается рассматривать этот опыт как шаг к тому, чтобы настроиться на странную реальность, в которой знание есть скорее бессилье, чем сила.

1. Климатическая неопределенность

ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ часть знания, производимого климатической наукой, связана с неопределенностью. Это означает, что оно не просто лишено стопроцентной достоверности — оно не является и вероятностным. Например, даже если в рамках отдельной климатической модели прогнозам будущих состояний климата можно приписать ту или иную вероятность, затруднительно оценить, насколько надежна сама модель. На 2015 год в мире использовалось около двадцати моделей, прогнозирующих изменения климата. Обычно такие модели тестируются по их способности предсказывать изменения климата в прошлом, известные из наблюдений¹. Но подобный тест не дает гарантий. Дело здесь не только в том, что данные о прошлых состояниях глобального климата фрагментарны и в значительной степени получены косвенными способами, такими как анализ годичных колец деревьев, изотопов кислорода в породах и т. д.² Причина еще и в самом изменении климата. Так, если модель А лучше модели Б описывает изменения климата в прошлом, из этого еще не следует, что она точнее предскажет их в будущем: климат уже изменился, а значит, в настоящее время он представляет собой иную систему, нежели та, которую модель А описывает лучше модели Б. Проблематично и агрегирование прогнозов разных моделей, поскольку в каждой сложной модели, как правило, по-своему определяется, что такое климат и даже что считать эмпирическими данными. Кроме того, существует опасение, что поскольку все сложные модели обрабатываются на аналогичных суперкомпьютерах, то все они могут иметь общие недостатки, обусловленные особенностями используемых технологий³. В этом случае результаты, полу-

1. См.: *Bradley R. et al. The Philosophy of Climate Science*. URL: http://www.romanfrigg.org/writings/phil_climate.pdf. P. 5–6.

2. См.: *Parker W. Climate Science* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2018 Edition) / E. N. Zalta (ed.). 11.05.2018. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/climate-science>.

3. *Bradley R. et al. Op. cit.* P. 12.

чаемые разными моделями, нельзя рассматривать как независимые события, что обычно считается необходимым для вычисления вероятности.

С неопределенностью связано знание не только о будущем климатических изменений, но и о причинах таких изменений и даже, казалось бы, наиболее эмпирическое — знание о прошлом глобального климата.

Однако все это не делает знание о климате псевдонаучным. Климатические ученые⁴ действительно знают, как именно глобальный климат изменялся в прошлом, и примерно могут сказать, как он будет меняться в ближайшие десятилетия. Кроме того, им известны многие факторы, влияющие на этот процесс (например, сжигание углеводородов, вырубка лесов, вулканическая и солнечная активность), а также их приблизительный вклад в общую картину в разные периоды истории. Об этих и о многих других вещах ученые могут говорить *с уверенностью, хотя и без определенности*, которую можно было бы выразить в процентах вероятности.

На самом деле неопределенность давно была присуща значительной доле научного знания, пусть на этот факт и не обращали должного внимания популяризаторы, а порой и философы науки⁵. Однако в эпоху глобального потепления, когда от такого знания стали зависеть политические решения, эта неопределенность стала болезненно видимой. В глазах широкой публики наука, которая не говорит о своем предмете с определенностью, не заслуживает доверия. В глазах экономистов и политических ученых неопределенность препятствует принятию решений. В результате как общественное, так и экспертное мнение подталкивает специалистов по климату как можно точнее оценить степень своей уверенности в том, что глобальное потепление вызвано деятельностью людей. Так, в отчете Межправительственной группы экспертов по изменению климата, выпущенном в 2014 году, говорится:

4. Следуя англоязычной традиции, я называю климатической наукой (*climate science*) дисциплину, сложившуюся после Второй мировой войны в результате синтеза метеорологии и климатологии. См.: *Edwards P. N. A Vast Machine: Computer Models, Climate Data, and the Politics of Global Warming.* Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. xxiii.
5. См.: *Pollack H. N. Uncertain Science... Uncertain World.* Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2003.

Крайне вероятно, что антропогенные парниковые газы... и другие антропогенные факторы были главной причиной потепления, наблюдаемого с середины XX века⁶.

«Крайне вероятно» (*extremely likely*), согласно тому же документу, означает, что вероятность превышает 95%⁷. По упомянутым причинам найти научные основания для подобных количественных оценок трудно.

Неопределенность знания о климате вкупе с требованием политических мер провоцирует отрицание глобального потепления, которое стало, пожалуй, самой болезненной темой, обсуждаемой в связи с изменением климата, — более болезненной, чем энергопромышленное лобби, политическая апатия или даже сами по себе климатические катастрофы. Сегодня практически невозможно написать что-то об изменении климата, не упомянув о том, что множество людей его отрицают. Журналисты и политические ученые разоблачают финансирование нефтяными корпорациями исследований, стремящихся подорвать научный консенсус⁸. Психологи и социологи вскрывают механизмы вытеснения вопросов климата на периферию индивидуальной жизни и общественной повестки⁹. Философы возлагают вину за отрицание изменения климата на авраамические религии, нововременную рациональность, капиталистическую гегемонию и проч. И даже авторы сухой аналитической статьи по эпистемологии климатической науки тут и там упоминают об ошибках «климатических скептиков» (эвфемизм, которым иногда обозначают тех, кто отрицает глобальное потепление)¹⁰.

Проблема, однако, в том, что подобная критика обычно противопоставляет себя отрицанию, как знание — заблуждению. Но в эпоху глобального потепления слово «знание» имеет иной

6. Climate Change 2014. Synthesis Report. Summary for Policymakers // Intergovernmental Panel on Climate Change. URL: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_SPM.pdf. P. 4.
7. Ibid. P. 2.
8. Одно из лучших таких исследований: *Oreskes N., Conway E. M. Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming*. L.: Bloomsbury Press, 2010.
9. См., напр.: *Norgaard K. M. Living in Denial: Climate Change, Emotions, and Everyday Life*. Cambridge, MA: MIT Press, 2011; *Randall R. Loss and Climate Change: The Cost of Parallel Narratives* // *Ecopsychology*. 2009. Vol. 1. № 3. P. 118–129.
10. *Frigg R. et al. Philosophy of Climate Science Part I: Observing Climate Change* // *Philosophy Compass*. 2015. Vol. 10. № 12. P. 953–964.

смысл. Или, вернее, в эту эпоху становится особенно ясно, что знание никогда не было тем, чем когда-то считалось: истинным и обоснованным представлением о предмете. Если истинным называть представление, адекватное предмету (или, во всяком случае, наиболее адекватное из имеющихся), то климатические модели сложно назвать истинными уже по той причине, что при их многообразии часто нет возможности выделить среди них более и менее адекватные. Если обоснованным называть представление, адекватность которого опирается на строгие доказательства, то знание о глобальном потеплении сложно назвать таковым. Так, в силу вышеупомянутых эпистемологических трудностей решающим аргументом в пользу реальности глобального потепления часто называют сам по себе консенсус климатических ученых. Но этот консенсус — социальный факт, имеющий место скорее вопреки эпистемологическим затруднениям, чем благодаря их успешному преодолению.

Таким образом, время глобального потепления требует по-новому относиться к знанию. Полагаю, один из продуктивных вариантов такого нового отношения предлагает Тимоти Мортон. Пользуясь хайдеггеровским понятием *Stimmung*, он пытается переключить внимание с пары «знание/заблуждение» на пару «настроенность/ненастроенность». Глобальное потепление нельзя познать как эмпирический факт, но на него можно «настроиться». Во втором разделе я рассмотрю эти рассуждения Мортонна и то, какие проблемы они, на мой взгляд, решают.

2. Гиперобъекты

Мортон описывает глобальное потепление как «гиперобъект». Гиперобъекты — это «вещи, которые рассредоточены во времени и пространстве в масштабах, значительных по сравнению с человеческими»¹¹. «Гиперобъекты — не функция нашего знания». Они «реальны независимо от того, мыслит их кто-то или нет». Они «кладут конец возможности трансцендентальных скачков „за пределы“ физической реальности»¹². Гиперобъекты существуют в горизонтальной онтологии, где ни одно сущее не имеет привилегированного статуса по сравнению с другими. Как и хармановские объекты, они «изъяты» из всякого взаимодействия, включая взаи-

11. *Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World.* Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2013. P. 1.

12. *Ibid.* P. 2.

модействие с людьми. Ни наблюдения, ни математические модели никогда не могут их исчерпать. Особенность гиперобъектов лишь в том, что по причине их масштабности в сравнении с людьми эффекты, которые объектно-ориентированная онтология приписывает любому межобъектному взаимодействию, становится особенно сложно игнорировать, когда речь идет о взаимодействии между людьми и гиперобъектами.

Так, гиперобъекты отчетливо «нелокальны» в том смысле, что «всякая локальная манифестация гиперобъекта не есть напрямую гиперобъект»¹³. Скажем, измерительные приборы фиксируют не глобальное потепление, но температуру, влажность, давление в определенном месте и определенное время. Не глобальное потепление уничтожает урожай, а засухи или, наоборот, избыточные осадки в определенный год в данном регионе. И даже математические модели описывают не глобальное потепление, но динамику нескольких миллионов переменных на основании данных, которых всегда не хватает. Эта нехватка данных связана не только с недостаточными наблюдениями, но и с особенностями моделирования как такового: чтобы отделить релевантные данные от нерелевантных, любая модель должна прочертить границы климатической системы (например, по верхним слоям атмосферы), то есть локализовать ее. Тем самым модели по определению не могут учитывать явлений, которые имеют место непосредственно по ту сторону проводимых ими границ и тоже оказывают на климат ненулевое воздействие¹⁴.

Во всех этих случаях нелокальность глобального потепления изымает его из человеческого доступа, требующего пространственной и временной определенности. Это ведет к тому, что практически ни одно явление нельзя с уверенностью отнести на счет глобального потепления. Но происходит и обратное: явления, которые раньше считались не имеющими прямого отношения к климату, теперь нельзя с определенностью от него отделить. Например, потеряло смысл прежнее различие между климатом и погодой как между чем-то постоянным и чем-то случайным. Именно нетипичное, и в этом смысле «случайное», погодное явление — потенциальный симптом изменения погодной нормы, то есть изменения климата. Таким образом,

13. Ibid. P. 1.

14. Об этой проблеме см.: *Palmer T. Global Warming in a Nonlinear Climate — Can We Be Sure? // Europhysics News. 2005. Vol. 36. № 2. P. 42–46.*

...глобальное потепление радикально изменило статус погоды...
Из акцидентальной [оно] сделало погоду субстанциональной¹⁵.

Следовательно, с неопределенностью сталкиваются не только утвердительные, но и отрицательные высказывания о глобальном потеплении: не только о том, что ему принадлежит, но и о том, что к нему не относится. Если пользоваться языком Мортон, гиперобъекты преследуют нас подобно призракам: ничто не позволяет увидеть их воочию, и даже приборы их не фиксируют, но огромное количество вещей указывает на их присутствие. Поэтому в эпоху гиперобъектов знание оказывается где-то в серой зоне между истинным и ложным. Мортон называет такую модальность знания словом *truthy*, которое я бы перевел выражением «вроде как истинно» («более-менее истинно» — в русском переводе книги¹⁶).

«Вроде как» не выражает какой-то определенной степени неуверенности. Оно выражает неопределенность как таковую и может сопровождаться даже высокой, хотя и неопределенно высокой, степенью уверенности. Поэтому то, что некоторое суждение вроде как истинно, не означает, что оно равнозначно противоположному суждению. Сказать, что нечто вроде как истинно и что оно вроде как ложно, — совсем не одно и то же. Климат вроде как меняется, и это вроде как большая проблема для бактерий, людей и коралловых рифов. Когда я говорю «вроде как», я не имею в виду, что это не точно. Нет, это точно. Вроде как.

Климатические ученые никогда не смогли бы иметь подобной уверенности, если бы считали, что их модели способны сделать предмет исследования абсолютно прозрачным. Подумайте о ситуации в экономике, где, если вы не пользуетесь рядом основополагающих концепций, таких как теория рационального выбора, вы не можете принадлежать к научному мейнстриму. То, что вы производите, просто не воспринимается как знание. Климатические ученые, напротив, знают, что они все говорят об одном и том же объекте, хотя в их моделях по-разному концептуализировано даже само понятие климата. Они знают, что говорят об одном и том же объекте, потому что знают, что их модели не равны своему объекту. Консенсус в климатической науке был бы невозможен, если бы она не была объектно-ориентированной.

15. *Morton T.* Op. cit. P. 101.

16. *Мортон Т.* Статья экологичным. М.: Ad Marginem, 2019. С. 26–28.

То, что гиперобъекты изъяты из всякого взаимодействия, означает не только то, что их нельзя с определенностью познать, но и то, что их нельзя контролировать. Говоря на языке спекулятивного реализма, гиперобъекты принципиально «не скоррелированы» не только с познавательной способностью людей, но и с их практической способностью. Требование выразить степень неопределенности количественно есть не что иное, как фантазия о такой корреляции. Предполагается, что если знание недостоверно, то ему можно по крайней мере приписать определенную вероятность и действовать, *как если бы* объект был исчерпывающе познан. Гиперобъекты подрывают эту фантазию, ставя людей перед лицом непредвиденных последствий. Это не хитрость разума и не временная неполадка, которую техническая рациональность устранил, но онтологическое следствие того, что объекты изъяты из любого взаимодействия. При взаимодействии гиперобъектов непредвиденные последствия настолько велики, что ими становится невозможно пренебречь. Антропоцен — это геологическая эпоха, когда непредвиденные последствия человеческой деятельности намного превысили ее запланированные последствия, то есть эпоха гиперобъектов.

С точки зрения Мортонa, хотя гиперобъекты нельзя контролировать, на них можно «настроиться». Настроиться на объект — значит принять его странность, научиться сосуществовать с ним как с нечеловеческим, призрачным, неудобным. В качестве одного из проявлений ненастроенности Мортон истолковывает психологический эффект «зловещей долины». Он заключается в том, что, хотя в целом объекты вызывают у наблюдателя тем большую приязнь, чем большим количеством человеческих черт они обладают, нечеловеческие объекты, максимально напоминающие человека, вызывают неприязнь. Поэтому на графике, где ось *X* измеряет степень похожести на человека, а ось *Y* — степень вызываемой симпатии, образуется глубокая долина. На дне этой долины обитают зомби, призраки, мертвецы — существа, почти неотличимые от человека, но все-таки нечеловеческие. По мысли Мортонa, настроиться на объекты — значит постепенно превратить жуткую долину в «призрачную равнину»¹⁷: научиться воспринимать все объекты как предельно родственные нам, хотя все-таки ни в чем нам не тождественные, а потому жутковатые.

Глобальное потепление — тоже один из таких объектов. Настроиться на него — значит примириться не только с тем, что оно

17. Там же. С. 193–194.

реально, но и с тем, что эта реальность не может быть познана как достоверный факт. В этом смысле не только разные формы отрицания глобального потепления, но и противоположные им катастрофические нарративы представляют собой примеры ненастроенности. Те, кто отрицает глобальное потепление, не могут принять его неуютность и предпочитают считать его фикцией. Те, кто проповедует о глобальном потеплении, тоже не могут смириться с его странностью и предпочитают считать его чем-то понятным, еще одним достоверным научным фактом. Такая проповедь претендует на единственно верную интерпретацию происходящего и тем самым тоже таит в себе корреляционистскую фантазию о контроле. Принять глобальное потепление во всей его странности — значит еще и отказаться от представления о том, что его можно поставить под контроль. Проекты геоинженерии — самое вопиющее, но не единственное проявление такого представления. В сущности, все позиции, которые предполагают, что существуют некоторые достоверно известные рецепты борьбы с глобальным потеплением и что степень их эффективности можно точно рассчитывать, несут на себе печать той же фантазии о контроле.

Задача, таким образом, не столько в изгнании любого отрицания, сколько в примирении с тем, что при серьезном отношении к глобальному потеплению некоторые формы его отрицания неизбежны, поскольку такова природа этого объекта. У религии глобального потепления нет святых.

Пожалуй, последний тезис следует усилить: отрицание глобального потепления не только неизбежно, но и необходимо для того, чтобы изменение климата предстало не просто как еще один предмет специальных исследований, но как странный объект, от которого нельзя дистанцироваться и который поэтому требует искать новые способы сосуществования. Если устранить отрицание средствами аргументации невозможно, то это означает, что между отрицающими изменение климата и теми, кто его принимает, имеет место «распря» (*différend*), как ее понимает Жан-Франсуа Лиотар:

... спор, который нельзя справедливо разрешить, поскольку не существует правила суждения, применимого к доводам обеих сторон¹⁸.

18. Lyotard J.-F. The Differend: Phrases in Dispute. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. P. xi.

Всякий, кто занимает позицию по вопросу о глобальном потеплении, оказывается стороной в распре. Поскольку же распре неразрешима, все стороны в ней суть пострадавшие.

Таким образом, тот, кто занимает позицию в этом споре, приобретает некое странное «знание», автоматически делающее его пострадавшим. «Знать», что глобальное потепление реально, — значит пострадать от тех, кто его отрицает, и «знать», что оно миф, — значит пострадать от тех, кто настаивает на его реальности. Это странное знание — не бэконовское знание-сила, но, скорее, знание-бессилие. Бессилие здесь — отнюдь не абстрактная конструкция. Наоборот, оно болезненно переживается как хроническая невозможность убеждения, заставляя тему отрицания всплывать в литературе по вопросам климата с навязчивой регулярностью.

Поэтому именно отрицание и вызываемые им разногласия позволяют воспринять глобальное потепление не как нейтральный научный факт, но как факт, знание которого не может быть беспристрастным, поскольку делает знающего пострадавшим. В этих условиях тот, кто слышал о глобальном потеплении, в некотором смысле уже не может от него укрыться, поскольку разногласия по этому вопросу не являются чем-то внешним по отношению к нему самому (так же как погоду больше нельзя считать чем-то внешним по отношению к климату). Сама по себе неустрашимость этих разногласий — симптом столкновения гиперобъектов: человечества и глобального климата. В этом смысле ощутить себя пострадавшим в таком споре — значит впервые получить опыт глобального потепления.

Следовательно, чтобы получить шанс «настроиться» на глобальное потепление как на гиперобъект, следует сначала столкнуться с его отрицанием или даже впасть в такое отрицание. Но для этого надо, чтобы споры об изменении климата были достаточно громкими и заметными, так что даже людям, далеким от климатической науки, приходилось занять в них ту или иную позицию. Иначе говоря, нужно определенное состояние публичной повестки. На мой взгляд, когда речь заходит о значении публичных процессов, проект темной экологии в его текущем виде обнаруживает свои ограничения. Об этих ограничениях и о возможности их преодоления пойдет речь в последнем разделе.

3. Подсветка для темной экологии

Подходы, господствующие в современных дискуссиях об изменении климата, Мортон условно делит на политические и этические.

Политические подходы предполагают, что проблема должна быть решена коллективно, будь то с помощью обретения классового сознания, массовых демонстраций или международных соглашений. Этические подходы призывают к индивидуальным мерам: откажитесь от перелетов, покупайте местную продукцию, «измените себя». С точки зрения Мортон, и те и другие неудовлетворительны, поскольку воспроизводят два традиционных философских способа отделаться от объекта. Говоря упрощенно, этические подходы подобны эмпиризму, редуцирующему объект к пучку ощущений, а политические подходы подобны трансцендентализму, сводящему объект к стоящей за ним тотальности¹⁹. Мортон стремится найти подход, отличный от этих двух, и поэтому пытается описать то «мы», которому адресованы его книги, не как целое коллектива, но и не как сумму разрозненных индивидов²⁰.

Несмотря на это, предлагаемая им программа выглядит вполне индивидуалистической. В конечном счете каждый настраивается на темную реальность в одиночку. Когда вы гладите своего кота, говорит Мортон, вы уже экологичны, ведь вы без определенной причины вступаете в отношения с нечеловеческим существом!²¹ На удивление успокоительное рассуждение для философии, которая ставит себе задачу обнажить неудобную сторону вещей.

Пожалуй, не случайно, что проект темной экологии оказывается в итоге «этическим». Одна из традиционных метафор политики и публичной жизни — это свет. Основная метафора гиперобъектов и вообще той реальности, которую описывает темная экология, — это тьма. Вместе с призраками, зомби и лавкрафтовскими монстрами гиперобъекты обитают в странной, неудобной реальности, невидимой, хотя и не вполне потусторонней. Но тьма — это еще и одна из традиционных метафор частной жизни. Это зафиксировано, например, Гегелем в его анализе законов античного домохозяйства как «законов подземного царства»²². Будучи привержена этой метафоре, темная экология не может уйти от дихотомии частного и публичного, или индивидуального и коллективного, которую сама считает порочным эффектом корреляционизма или «агрилогистики». Рассуждая о том, что мы живем в эпоху, когда гиперобъекты уже нельзя игнорировать, Мортон забывает о роли

19. См.: *Morton T. Hyperobjects*. P. 154–158.

20. Этому посвящена книга: *Idem. Humankind: Solidarity With Nonhuman People*. Brooklyn: Verso, 2017.

21. *Мортон М.* Указ. соч. С. 114–115.

22. *Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes*. B.: Akademie-Verlag, 1998. S. 350.

публичных процессов в наступлении этой эпохи. Вместо этого он пишет о том, как гиперобъекты открывает наука, и о том, как искусство позволяет на них настроиться.

Но способна ли наука сама по себе не просто открыть глобальное потепление, но и предъявить его *как* гиперобъект, то есть во всей той странности, о которой говорит Мортон? Возьмем еще один из приводимых им примеров:

Вы идете к машине, и незнакомый человек окликает вас: «Ну и погода сегодня!» С некоторой настороженностью — он отрицает изменение климата или нет? — вы отвечаете «да». Наступает короткая пауза... он хочет что-то сказать о глобальном потеплении? В любом случае пауза заставила вас о нем подумать. <...> Беседа с незнакомцем о погоде больше не может быть для вас рутиной. Глобальное потепление падает на нее подобно тени, оставляя странные лакуны²³.

Этот пример должен продемонстрировать «липучесть» гиперобъектов, невозможность дистанцироваться от них. Достаточно перекинуться парой слов с незнакомцем, и вы уже ощущаете их присутствие. Однако в России мы чувствуем и кое-что еще: что этот пример неубедителен. Причина, конечно же, в том, что в России не ведутся публичные дискуссии о глобальном потеплении и, соответственно, нет и тех болезненных разногласий, которые в других странах могут «бросать тень» на самые невинные диалоги.

Таким образом, публичные процессы играют существенную роль в наступлении времени гиперобъектов: не только потому, что они увеличивают всеобщую осведомленность, но и потому, что они *порождают разногласия*. Именно эти разногласия вызывают переживание глобального потепления *как* гиперобъекта — болезненное чувство того, что вопрос о его реальности не разрешим по правилам, по которым добывается достоверное знание²⁴. Отрицание изменения климата делает возможным то, что казалось невозможным, — переживание гиперобъекта. Но отрицание возникает только в ответ на публичную повестку. Чтобы темная реальность гиперобъектов стала видимой, ей нужна подсветка.

Вписать в объектно-ориентированную онтологию теорию публичности нелегко уже потому, что публичная сфера облада-

23. Morton T. Hyperobjects. P. 99.

24. Именно так Лиотар понимает чувство возвышенного. См.: Lyotard J.-F. Op. cit. P. 13.

ет существенной корреляционистской чертой: вещи в ней имеют значение в той мере, в какой касаются ее участников. Речь, таким образом, не может идти просто об отказе от неудачной метафористики. Публичная сфера представляет для темной экологии фундаментальную проблему. Она — один из тех неотрефлексированных остатков, которые заставляют Мортон вносить двусмысленность в собственную онтологию, деля отношения между объектами на хорошие и плохие: хорошие экологические и плохие агрологистические, хорошие антропоморфные и плохие антропоцентрические, хорошие объектно-ориентированные и плохие корреляционистские. Какой трансцендентальный коррелятор раздает эти оценки? В действительности плохим всякий раз оказывается то, что не может быть исчерпывающе описано как «темная» реальность и потому воспринимается как аномалия: сельскохозяйственная цивилизация, послекантовская философия, капитализм и т. д. Способна ли темная экология описать публичные процессы на языке своей онтологии так, чтобы оставить их тем, чем они являются, — процессами, в которых достигается прозрачность, а не только производится странность? Если да, то для этого ей нужно расширить свой словарь. И раз уж она не боится быть языческой, отказываясь в своей онтологии от всякого Бога, даже умершего, и оставляя лишь пестрое многообразие объектов, то, возможно, ей также следует не бояться быть гностической и признать, что свет столь же реален, как и тьма.

Библиография

- Мортон Т. Статья экологичным. М.: Ad Marginem, 2019.
- Bradley R., Frigg R., Steele K., Thompson E., Werndl Ch. The Philosophy of Climate Science. URL: http://romanfrigg.org/writings/phil_climate.pdf.
- Climate Change 2014. Synthesis Report. Summary for Policymakers // Intergovernmental Panel on Climate Change. URL: http://ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_SPM.pdf.
- Edwards P.N. A Vast Machine: Computer Models, Climate Data, and the Politics of Global Warming. Cambridge, MA: MIT Press, 2010.
- Frigg R., Thompson E., Werndl Ch. Philosophy of Climate Science Part I: Observing Climate Change // Philosophy Compass. 2015. Vol. 10. № 12. P. 953–964.
- Hegel G. W. F. Phänomenologie des Geistes. B.: Akademie-Verlag, 1998.
- Lyotard J.-F. The Differend: Phrases in Dispute. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988.
- Morton T. Humankind: Solidarity With Nonhuman People. Brooklyn: Verso, 2017.
- Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2013.
- Norgaard K.M. Living in Denial: Climate Change, Emotions, and Everyday Life. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.

- Oreskes N., Conway E. M. Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming. L.: Bloomsbury Press, 2010.
- Palmer T. Global Warming in a Nonlinear Climate — Can We Be Sure? // Europhysics News. 2005. Vol. 36. № 2. P. 42–46.
- Parker W. Climate Science // Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition) / E. N. Zalta (ed.). 11.05.2018. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/climate-science>.
- Pollack H. N. Uncertain Science... Uncertain World. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2003.
- Randall R. Loss and Climate Change: The Cost of Parallel Narratives // Ecopsychology. 2009. Vol. 1. № 3. P. 118–129.

CLIMATE UNCERTAINTY AND ILLUMINATING DARK ECOLOGY

DANIIL ARONSON. Researcher, Department of the History of Western Philosophy, aronson.d.o@gmail.com.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (RAS), 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russia.

Keywords: dark ecology; hyperobjects; climate science; uncertainty; climate change denial; public space; differend; Timothy Morton; François Lyotard.

One of the most discussed problems regarding climate science is that the knowledge it claims to have is plagued by uncertainty. Timothy Morton's dark ecology regards uncertainty as inextricable from any knowledge and also from any relation in general. This approach reveals that a rejection of uncertainty motivates both climate change deniers and their critics who would treat the conclusions of climate science as indisputable facts. Instead of treating uncertainty as a problem, dark ecology proposes that we learn how to live with it. But in order to do so, it recommends not only becoming attuned to the weird, "dark" side of things, but also tacitly suggests that the dark side is the only real one. Dark ecology is therefore bound to disregard those realms of human existence which are dependent upon transparency, such as public and political life.

However, the article shows that particular processes in those realms have contributed significantly to the way the weird reality described by dark ecology became perceptible. Many of the features of global warming that dark ecology emphasizes — the impossibility of distancing oneself from it or of defining it completely and controlling it — become apparent only when a broad public controversy about its reality emerges and that controversy can never be resolved by citing allegedly certain facts. The participants in such a controversy find that is impossible to convert the knowledge they have into a consensus. The article recommends taking that experience as a step toward attuning oneself to weird reality in which knowledge is more impotence than power.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-87-100

References

- Bradley R., Frigg R., Steele K., Thompson E., Werndl Ch. The Philosophy of Climate Science. Available at: http://romanfrigg.org/writings/phil_climate.pdf.
- Climate Change 2014. Synthesis Report. Summary for Policymakers. *Intergovernmental Panel on Climate Change*. Available at: http://ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_SPM.pdf.
- Edwards P.N. *A Vast Machine: Computer Models, Climate Data, and the Politics of Global Warming*. Cambridge, MA, MIT Press, 2010.
- Frigg R., Thompson E., Werndl Ch. Philosophy of Climate Science Part I: Observing Climate Change. *Philosophy Compass*, 2015, vol. 10, no. 12, pp. 953–964.
- Hegel G.W.F. *Phänomenologie des Geistes*, Berlin, Akademie-Verlag, 1998.
- Lyotard J.-F. *The Differend: Phrases in Dispute*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1988.
- Morton T. *Humankind: Solidarity With Nonhuman People*, Brooklyn, Verso, 2017.
- Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*, Minneapolis, London, University of Minnesota Press, 2013.
- Morton T. *Stat' ekologichnym* [Being Ecological], Moscow, Ad Marginem, 2019.

- Norgaard K. M. *Living in Denial: Climate Change, Emotions, and Everyday Life*, Cambridge, MA, MIT Press, 2011.
- Oreskes N., Conway E. M. *Merchants of Doubt: How a Handful of Scientists Obscured the Truth on Issues from Tobacco Smoke to Global Warming*, London, Bloomsbury Press, 2010.
- Palmer T. Global Warming in a Nonlinear Climate — Can We Be Sure? *Europhysics News*, 2005, vol. 36, no. 2, pp. 42–46.
- Parker W. Climate Science. *Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition)* (ed. E. N. Zalta), May 11, 2018. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/climate-science>.
- Pollack H. N. *Uncertain Science... Uncertain World*, Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2003.
- Randall R. Loss and Climate Change: The Cost of Parallel Narratives. *Ecopsychology*, 2009, vol. 1, no. 3, pp. 118–129.